

ФОНТЕНБЛО.

Не звукъ пронесется подъ сводами залы,

Не шумъ равномерныхъ шаговъ;

Не пьются влагой шипучей бокалы,

Мечи не блистаютъ бойцовъ.

Нѣтъ признака жизни; вокругъ запустѣнье

Какой-то печалью глядитъ

Въ дворцѣ позабытомъ, какъ даръ сокровенный,

Походная шляпа лежитъ.

Въ глубокую полночь тамъ носятся тѣни

Угасшихъ давно королей;

И поступью важной идутъ привидѣнья

Въ тотъ залъ изъ парадныхъ дверей.

На голову шляпу себѣ примѣряютъ: —

И всѣмъ не-по-мѣркѣ она!

Они всѣ блѣднѣютъ и всѣ исчезаютъ.

На стеклахъ играетъ луна

Потомъ Императоръ является въ залу,

Державныя руки скрестилъ.

Тревожная дума въ очахъ заблестала:

На шляпу онъ взоръ устремилъ

Видна на той шляпѣ ничтожность земная,

Почило величье на ней, —

И тѣнь, съ укоризной на шляпу взирая,

Груститъ о судьбинѣ своей.

Сирийское солнце ту шляпу палило,

Песокъ африканскій пылилъ,

Мятели Россіи ее убѣлили,
И валъ океана крошилъ!
Смотрѣлъ Императоръ и грозно и дико:
Унести свою шляпу хотѣлъ,
Но вдругъ раздался разсвѣтныя клики,
И съ ночью онъ въ высь улетѣлъ

Николай Щербина.

Харьковъ.

— * * * —

Въ душѣ моей нѣтъ прежняго волненья,
Спокойна я; и въ тишинѣ
Не жду тебя съ тревожнымъ нетерпѣньемъ
И образъ твой не видится во снѣ;
Въ молитвѣ болѣе святаго
И новый свѣтъ открыла мнѣ она!
Повѣрь, я не люблю другаго,
И въ сердцѣ миръ и тишина!
— Оставь пустыя опасенья,
Теперь не полюблю я вновь;
Но я люблю и прежнія волненья,
И горести любви, и слезы, и мученья,
И прошлую, безумную любовь.

Наталья Васильковичъ.

* * *

Взоромъ ласковымъ, красавица,
Ретиваго не буди,
И о прошломъ, о несбывшемся
Ты рѣчей не заводи!

Было время — не вернуть его! —

— Я твой теремъ навѣщамъ;

Любовался красотой твоей,

Про любовь души шепталъ.

Миновали дни счастливые,

А тоска по нихъ со мной;

И сжилась она, тяжелая,

Съ молодецкою душой.

— Полно-жъ, полно! . . . взоромъ ласковымъ

Ретиваго не буди,

И о прошломъ, о несбывшемся

Ты рѣчей не заводи!

Не повѣрю взору хитрому

И привѣту твоему;

Ретивому тяжело, дѣвица,

Но обмана нѣтъ ему.

Я пойду къ Царевымъ ратникамъ,

Къ нимъ пристану, послужу,

За Царя, за Русь родимую

Съ плечъ головушку сложу.

Недоминъ.

Харьковъ.

МЛАДЕНЦУ.

(Съ Польскаго).

Съ слезами родиться, въ слезахъ умереть, —
Проплакать два эти мгновенья,
И въ грусти за небомъ, съ земли улетѣть,
Младенецъ, твое назначенье!
Мечты объ утѣхахъ при жизни твоей
Терзають мнѣ душу, что день, то сильнѣй!

В. Дьяченко.

Харьковъ.

ИСТОРИЯ МОИХЪ СЛЕЗЪ.

Когда ты въ первый разъ сказала:
Мой милый другъ! люблю тебя!
И въ первый разъ поцѣловала, —
Въ нѣмомъ восторгѣ плакалъ я.
Потомъ разстались мы; прощаясь,
Молилъ я: не забудь меня!
И быстро въ поле удаляясь,
Въ тоскѣ я плакалъ, какъ дитя.

Потомъ, какъ водится, промчалось
Полгода — и забыть былъ я;
Тогда и слезъ не отыскалось,
И съ той поры не плачу я.

А. Кронебергъ.

1840. Апрѣля 10.

РУССКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Посвящ. брату Владиміру.

Спи, мое дитятко,
Спи, мое милое,
Спи, когда спится!

Скоро ты вырастешь:
Съ гнѣздышка теплаго
Скоро сметишь.

Съ русой бородкою,
Дитятко милое,
Горе прійдетъ.

Съ первой красавицей,
Съ первой зазнобушкой,
Сонъ пропадетъ.

Съ жонкой румяною,
Съ малыми дѣтками
Много заботъ.
Теща сварливая
Съ тестемъ затѣйливымъ
Съ толку собыють! . . .

Пѣсня-ль старинная
Вспомнится радостно,
Хочешь запѣть:

Въ двери широкія
Явятся хлопоты —
Пѣсня уйдетъ . . .

Сонъ-ли украдкою
На изголовьюшко
Ляжетъ порой: —

Дума житейская,
Злая кручинушка
Сгонять его!

Сни, мое дитятко,
Сни, мое милое,
Сни, когда спится!

Николай Щербина.

1841. 11 Декабря.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ПРИ ОДРѢ

СТРАДАЛЬЦА.

СМЕРТЬ.

Оставь его — онъ трупъ. Усилия искусства
Не могутъ оживить его угасшихъ силъ.
Смотри: въ немъ замерли все мысли, стихли чувства —
Уже не грѣть кровь его изсохшихъ жилъ.
Довольно онъ страдалъ. Теперь успокоенья
Желаешь онъ; его измученный составъ
Узналъ все горькое — измѣну, заблужденья,
Упреки совѣсти и боль души. Оставь,
Оставь его. Обманъ твой все увѣренья!
Манила долго ты его въ счастливый край —
И за одну слезу прямого умиленья,
За мимолетный мигъ живаго наслажденья
Ты сердце вырвала, захлопнувъ двери въ рай!

Жизнь.

Такъ. Лстала часто я его воображенью,
Я въ новую страну вела его съ собой,
Гдѣ слабый человекъ, покорный заблужденью,
Могъ вдвое бы полнѣй жить пылкою душой.

СМЕРТЬ.

Зачѣмъ же съ первыхъ дней, когда ты оживила
Его младенческій, нетронутый составъ,

Зачѣмъ предательски ты въ немъ укоренила
Сознанье истины, добра и высшихъ правъ? . . .
Зачѣмъ вложила ты могучія стремленья
И жажду пылкую въ страдальческую грудь,
Когда обманъ ума и сердца заблужденья
Должны были одни свѣтить на темный путь?

Жизнь.

Какъ мало знаешь ты, чего они желаютъ,
Всѣ эти смертные! Какъ тягостенъ покой
Для ихъ тревожныхъ чувствъ; какъ часто изнываютъ
Они, томимые мучительной тоской!
Взгляни: — вотъ вздрогнулъ онъ. Последній лучъ лампы
Сверкнулъ въ его душѣ и память освѣтилъ.
Послушай: — онъ вздохнулъ отъ полноты отрады,
И сердце полно вновь давно угасшихъ силъ.
Онъ вспомнилъ про нее, которую видала
Ты въ шумъ пиршества, средь пляски и утѣхъ,
Когда своей косою заранъ намѣчала,
Кого настигнешъ ты и чей задушишь смѣхъ.
Пускай теперь слеза росой обновленья
Ланиты освѣжить, и съ новой теплотой
Въ немъ заструится кровь, заговорятъ движенья,
Онъ вновь захочетъ бурь — пренебрежетъ покой.

Страдалецъ.

О! дайте мнѣ пожить. Пускай опять страданья
Въ мою волюются грудь и жизнь разбудятъ въ ней,
Еще я не вкусилъ плодовъ обитованья,

Еще не повершил судьбины я своей!
Теперь я снова бодръ на тягостную битву
Съ самимъ собой, съ обманами, страстями,
Еще не досказалъ я до конца молитвы,
Еще не просвѣтлѣлъ мой взоръ передъ людьми!

.....

Князь П. Мещерскій.

Харьковъ. Окт. 1841.

ЛЕНИНСКАЯ ТЮРЬМА.

ГРЕЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

=

«В τῇ Ἰωννικῇ с τῇ φυλακῇ τὸν εἰδωκὸν ἀλείψμενον.»

Клефтическая пѣсня.

=

«Небо Греціи прекрасной
Надо мною не блесить,
И съ Олимпа мѣсяцъ ясный
Сквозь рѣшетку не глядить.

Знать, подъ сѣнью Парѣнона
Я лобзалъ тебя въ уста,
Свѣтлоокая кукона,
Чтобъ проститься навсегда!

Но зачѣмъ съ тобой такъ мало
На прощанье говорилъ,
И вокругъ якеты алой
Страстно рукъ я не обвилъ! . . .
Освѣти-же мракъ темницы
Взоромъ пламенныхъ очей:
Мнѣ давно не шлетъ денница
Свѣтлорадужныхъ лучей! . .
Смерти жаждешь ты, Янина!
Слышу я: — за мной идутъ
Но Албанцы *Тебелина*
Крови Грека не прольютъ! . . .
Паль, рыдая, на колѣни,
Онъ молитву сотворилъ —
И о каменную стѣну
Буйну голову разбилъ.

Николай Щербина.

Таганрогъ.

ПРО СЕВЯ.

Переводъ съ Чешскаго.

Родила меня
Моя матушка,
Родила меня
Въ красный вешній день,

Въ зеленѣмъ саду
Между розами

И сказала мнѣ

Моя матушка:

— « Коли-бъ знала я,
Мой сыночекъ родной,
Что родился ты
Добрымъ Чехомъ на свѣтъ:
Обернула-бъ тебя
Въ розы алыя,
Вспелена-бъ тебя
Василёчками. » —

Раскатился громъ

Въ небѣ пасмурномъ.

— « Коли-бъ знала я,
Мое дитятко,
Что взростеть изъ тебя
Лихой, буйный Чехъ,
Я рогожей тебя
Обернула-бы,
И съ рогожею той
Въ тѣрнь забросила. — »

Николай Щербина.

Харьковъ.

Зачѣмъ вы такъ скупо, кровавыя слезы,
Такъ больно нависли въ лазури очей?
Живѣе! и пусть всѣ безумныя грезы
О счастья умчить вашъ ручей.

Вамъ жалко разстаться съ глазами? — Я зрѣнье
Радъ выплакать, лишь-бы вольнѣе вздохнуть,
Не видѣть холоднаго къ чувству презрѣнья,
Отъ боли избавить любящую грудь.

А. Кронебергъ.

1841. Января 29.

ЗЮГРЯ, или происхожденіе ЗѢРНИЦЫ. (*)

(МУСУЛЬМАНСКОЕ ПРЕДАНИЕ).

Сый, Всевѣчный, Вездѣсущій, Выспренній, Всемогу-
щій — создалъ міръ нашъ, говорятъ Мусульмане, создалъ
тварей на немъ и *Мехлюкатъ*, или Джанъ-бину-джанъ,

(*) ЗѢрница, въ простонародіи утренняя звѣзда, *Венера*. Замѣчательно
сближеніе ученаго названія планеты этой съ настоящимъ Восточ-
нымъ преданіемъ: тутъ Венера, тамъ дѣва любви.

отродіе среднее между человекомъ и ангеломъ; Адама же сотворилъ гораздо послѣ.

Но Мехлюкаты, какъ творенія плотскія, вскорѣ подпали власти грѣха, который по этому не моложе, а старѣе человека; народъ сталъ грѣшнить, сталъ предаваться заблужденіямъ — какъ и мы по нынѣ.

Гарудъ и Марудъ, два *Фершитѣ*, два чистыхъ духа, съ прискорбіемъ душевнымъ взирали съ высотъ райскихъ на грѣшную землю и соболезновали объ участи смертныхъ. Ихъ ждетъ мѣла кромѣшная, адъ огнепалѣній — а нѣтъ у нихъ наставника, нѣтъ путевода, который бы указалъ имъ путь истины и преклонилъ къ добру; они блуждаютъ во тьмѣ, не знаютъ что худо, что хорошо, а погубляютъ на вѣки вѣчныя грѣшныя души свои!

И пришли они, Гарудъ и Марудъ, къ Создателю міровъ и рекли: отпусти насъ на землю, поучать людей. Мы въ садахъ Эдемскихъ плачемъ и сокрушаемся объ участи смертныхъ — пошли насъ, и мы ихъ обратимъ: буде же они не внимаютъ гласу нашему — тогда, Создатель Выспренній, карай ихъ и не будетъ за нихъ у престола Твоего предстательства.

Вамъ нельзя низойти на землю, отвѣчалъ Аллахъ: тамъ живутъ твари, одаренныя плотію, а вы созданія духовныя. — Заключи души наши въ плоть мірскую, рекли оба Фершитѣ единогласно, и пошли насъ во образъ Мехлюката: не отринь, Создатель, мольбу нашу; участь смертныхъ сокрушаетъ насъ; они грѣшатъ отъ невѣдѣнія. —

Если облечетесь въ плоть, будете причастны грѣху, отвѣчалъ Всебѣдущій. — Нѣтъ, Создатель, не причастимся грѣху; падаютъ смертныя, рожденные во плоти, среди поро-

ка, праха и суеты; а намъ ли упасть, намъ, не рожденнымъ во плоти, обитавшимъ въ райскихъ садахъ Твоихъ, намъ лицезрѣніемъ Твоимъ освященнымъ! — Такъ рекли души чистые.

Подите, гласилъ Незримый; но если искушеніе превозможетъ, если во грѣхахъ своихъ уподобитесь Мехлюкату, — судъ мой не пощадитъ васъ; кара и мука ждетъ васъ, на равнѣ съ грѣшнымъ Мехлюкатомъ.

И пошли они, Гарудъ съ Марудомъ, воплощенные, на землю, и стали учить и наставлять народъ, разумомъ светлымъ, сердцемъ чистымъ, языкомъ убедительнымъ, душею, пороку непричастною. И достигли они скоро чести и славы и уваженія: не было на землѣ казыевъ кромѣ ихъ; на судъ и на совѣтъ Гаруда и Маруда стекалось множество отъ странъ ближнихъ и далекихъ, съ полудня и съ полуночи, съ заката и восхода, и судъ воплощенныхъ былъ правдивъ, совѣтъ цѣлителенъ.

Однажды пришла къ Гаруду прекрасная Зюгрѣ и плакалась на обиду одного недобраго челоуѣка. Зюгрѣ была бѣлѣе крыла лебединого, уста и ланиты ея алѣе цвѣта алаго, очи яснѣе драгоцѣннаго камня, нарекаемаго алмазъ; Зюгрѣ была быстра, гибка, какъ лань нагорная, какъ сайга степная, полна и кругла, какъ вешнее облачко — голосъ ея былъ сладокъ и плѣнителенъ, какъ дивный запахъ духовъ чистыхъ — но Зюгрѣ не была непорочна; душа ея осквернила уже жилище свое, сосудъ скудельный, который былъ краше и пригожѣе всѣхъ ему подобныхъ.

Гарудъ смутился; онъ худо внималъ словамъ обольстительной чародѣйки, ухо его оглохло, вся душа его вошла въ очи, онъ созерцалъ челоуѣчицу, какой доселѣ у него

не бывало. Хорошо, сказалъ онъ наконецъ, — когда Зюгрія заключила рѣчи свои слезами и просьбою: будь правосуденъ Гарудъ, каковъ ты былъ до-селе; учини надо мною судъ и правду; — хорошо, сказалъ Гарудъ, просьба твоя будетъ исполнена; но чѣмъ ты отблагодаришь того, кто исполнить желаніе твое? И я теперь могу обратиться къ тебѣ съ просьбою; и ты мнѣ не откажешь?

Повелѣвай, сказала Зюгрія; не постигаю словъ твоихъ; но повелѣвай: я все исполню.

Гдѣ и когда могу я видѣть тебя одну? спросилъ вполголоса Гарудъ. Назначь мнѣ часъ и мѣсто свиданія.

Зюгрія не смутилась отъ словъ Гаруда, но слова Гаруда смутили Зюгрію, дѣло было ей не новое, но какъ Гарудъ могъ вести такую рѣчь — того она не постигала. Недовѣрчиво поглядѣла она ему въ глаза, какъ будто хотѣла выпытать тамъ тайны души его, объяснить себѣ загадку — и молвила: завтра утромъ, до восхожденія солнца, въ прибрежной рощѣ, гдѣ бьетъ ключъ.

Ушедши отъ Гаруда, Зюгрія опять стала размышлять о предложеніи этаго правдиваго безстрастнаго судьи и наконецъ сказала: нѣтъ! онъ хочетъ только моего позора; онъ потѣшается мною, онъ смѣется надо мною; онъ не придетъ и правосудія мнѣ не будетъ; онъ хотѣлъ только искутить меня и теперь затопчетъ въ грязь; пойду я къ Маруду, можетъ статься, тотъ будетъ снисходительнѣе. О я бѣдная, беззащитная!

И пошла она къ Маруду и нашла тотъ же пріемъ: одинъ привѣтъ, одинъ отвѣтъ. Гарудъ и Марудъ были во всемъ другъ другу подобны, во всемъ сходны; что сдѣлалъ одинъ, то сдѣлалъ и другой. Прекрасная Зюгрія

опять недовѣрчиво отвѣчала: завтра рано, до восхода солнца, въ прибрежной роуцѣ, у ключа. —

Пришелъ урочный часъ — и Гарудъ съ Марудомъ встрѣтились у обреченнаго мѣста. Зюгрѣ стояла за кустами и ожидала развязки.

Зачѣмъ ты пришелъ сюда? — спросилъ одинъ. Оба стояли молча, поникнувъ очами, оба пробудились чуткою совѣстью, узрѣли неизбежную гибель свою и ждали кары, не трогаясь съ мѣста. И съ первымъ заревомъ, показавшимся въ это время на Востокъ, предсталъ имъ Аллахъ Превыспренній и рекъ: Я знаю, не вопрошая васъ, о томъ, зачѣмъ вы пришли сюда, ты Гарудъ и ты Марудъ. Высокомѣріе ваше наказано; вы упали. Эта заброшенная, презрѣнная, въ сравненіи съ вами, чиста и непорочна. Не будь такихъ, какъ вы, никогда не было бы такихъ, какъ она. Ваше мѣсто тѣмъ кромѣшная. Но вы согрѣшили на землѣ; на землѣ вамъ будетъ и мѣла.

И за словомъ указалъ перстомъ своимъ туда, гдѣ сверкаетъ понынѣ блистательная возвѣстница зари утренней и вечерней — и Зюгрѣ превратилась въ свѣтлый лучъ, мелькнула, и явилась на небѣ утренней звѣздочкой. Гарудъ и Марудъ пали ницъ, они не могли смотреть на эту звѣзду. Гарудъ же и Марудъ, по повелѣнію Аллаха, закованы въ горы Кафъ-каза, въ мѣдныхъ стѣнахъ; тамъ живутъ они донинѣ подъ именемъ Доруджа и Маджуджа, Гога и Магога; днемъ лижутъ жаднымъ языкомъ мѣдную твердь, чтобы освободиться изъ тяжелой неволи; но пролизавъ ее въ теченіи дня почти насквозь, падаютъ ницъ предъ появившейся звѣздочкой, которая стоитъ прямо противъ небольшого окошечка, оставленнаго Искендоромъ, Алексан-

дромъ Македонскимъ, въ темницѣ Гога и Магога; падаютъ ницъ и лежатъ за-мертво въ теченіи ночи, поколь восходящее солнце не изгонитъ ненавистной звѣздочки съ тверди небесной — и снова принимаются за работу; но увь, уже мѣдная стѣна снова заросла во всю толщину свою, и снова появляется звѣзда, не давъ страдальцамъ кончить работы. Такъ живутъ они уже много вѣковъ и проживутъ, доколь солнце не взойдетъ отъ Запада, толща земли не дрогнетъ на оси своей, не разрушить въ прахъ хребетъ Кафъ-Каза и громогласная труба не возвѣститъ день судный.

По другому преданію Гарудъ и Марудъ повѣшены за ребро въ глубокомъ колодцѣ древняго Вавилона, лицомъ на воду; ненавистная звѣздочка, совершая указанный путь свой по небу, отражается въ чистыхъ водахъ кладца, а Гарудъ и Марудъ, избѣгая видѣть ее, обращаются безпрестанно, пронятые желѣзнымъ крюкомъ, во всѣ стороны, и проводятъ дни и ночи въ нескончаемой мукѣ. —

(Съ изустнаго преданія Мусульманъ).

В. Луганскій.

РУССКАЯ ПѢСНЯ ВЪ РИМѢ.

«Лавры, тополи густые!

Кто теперь у нашихъ водъ

Пѣсни новыя, живыя

Гармонически поетъ?

Какъ полны любовной муки
Отзываются въ струяхъ!
То невѣдомые звуки
На полуденныхъ берегахъ.

Часто я, забывшись въ бѣгъ,
Въ море волнъ не тороплю,
И покоясь въ звучной нѣгъ,
Ихъ дослушивать люблю.
Много пѣсень голосистой
Распѣваетъ мой народъ:
Сей же пѣсни звонкой, чистой
Не слыхать у нашихъ водъ.

Лавры, тополи, густыми
Сѣнми къ Тибру наклонясь,
Шепчуть листьями живыми,
Въ струи желтыя глядясь:
«Древній праотецъ — поитель!
Съ хладныхъ, съверныхъ степей,
Въ изумрудную обитель,
Къ намъ принесся соловей.

Заунывный, тихій, нѣжный
Чувствомъ звукъ его дрожить;
Голосъ правильно — небрежный
Чистымъ золотомъ звенить.
Въ пѣсни Русской, въ пѣсни томной
Выливаетъ душу онъ,
Душу любящую скромно,
Душу нѣжныхъ Русскихъ жёнъ. — »

Тибрь и шумная дубрава
Сочетали дружный гласъ:
«Соловей Россіи, слава!
Пой намъ пѣсни, радуй насъ
На нарѣчьи свѣжемъ, новомъ!
Счастье будь твой Римской другъ
И тебѣ пріветнымъ словомъ
Отвѣчай на каждый звукъ!»

С. Шевыревъ.

1830. Рязъ.

КЪ Ч.....МУ.

=

Она плѣнительна, Украинка младая,
Какъ роза вещняя, когда надъ муравой
Благоуханно разцвѣтая,
Чаруетъ роза красотой!

Она чиста, какъ голубая
Кристалльной рѣчки полоса,
Когда въ ней свѣтятся родныя небеса,
Живую зыбь ея лаская!

Ты помнишь, какъ по озеру *она*
На легкомъ челнокѣ мелькала,
Какъ серебристая волна
И нѣжила челнокъ, и бережно качала,
Какъ вѣялъ на нее съ береговъ
Роскошный ароматъ цвѣтовъ!

Какъ восхитительна, въ устахъ прелестной дѣвы
Для насъ козацкая, родная пѣснь была

О! память сердца тѣ напѣвы

Своекорыстно берегла

И мчались дни когда жъ тебѣ взгрустнется,

Мой милый! вспомни хоть на мигъ

Знакомый звукъ, заветный стихъ —

И жизнь, какъ радость, улыбнѣтся!

Москва 1834.

И. Бороздна.

ЭЛЕГІЯ.

Заря обогрѣла вершины холмовъ

И тихо во мглѣ угасаетъ;

Ужъ мѣсяцъ печально глядитъ съ облаковъ,

И блѣднымъ лучемъ осребряетъ

И горы, и доли, и дремлющій лѣсъ,

И воды, и твердь безмятежныхъ небесъ. —

Я вижу громаду развалинъ вдали,

Остатки земнаго жилища —

Мы трудъ не докончивъ, уходимъ съ земли,

А время достроить — кладбище

Все тихо и мрачно ; лишь вѣтеръ порой

Прошепчетъ о чемъ-то съ могильной травой.

Отвѣтствуйте мнѣ, пролетѣвшихъ вѣковъ

Свидѣтели, грозныя сѣни,

Чьи тайны здѣсь скрыты во мракѣ гробовъ,

Чьи съ полночью мрачныя тѣни

Здѣсь носятъя легкимъ, воздушнымъ полкомъ,

Вы память нѣмую храните о комъ?

Быть можетъ, здѣсь въ землю родную легли

Герои — Славянъ поколѣнья;

Ихъ слава промчалась, какъ звукъ по земли

Отъ арфы въ часы вдохновенья;

Иль тлѣетъ во прахъ властитель — пришлецъ,

И жабы тѣсняются подъ царскій вѣнецъ?

Быть можетъ, здѣсь церковь святая была,

Звучали молитвы напѣвы;

Быть можетъ, здѣсь роскошь и нѣга жила,

Роились волшебницы дѣвы:

Ихъ юность слѣдила восторгомъ полна,

Ихъ пѣли Баяны за чашей вина.

.

О, кто объяснитъ мнѣ загадку времени:

Къ какой неизвѣданной цѣли

Текутъ эти вѣчныя волны племень —

Добыча червей съ колыбели?

Судьба у могилы ихъ манитъ мечтой

И тѣшится злобно сердечной слезой.

И въ ужасъ невольный душой погружусь,

Я думой въ минувшемъ носился

Хоръ звѣздъ на лазури небесной угасъ,

И мѣсяцъ за тучами скрылся.

Все гибнетъ во мракъ, — но вновь оживетъ:

Такъ насъ за могилой жизнь новая ждетъ! —

С

ЖЪ

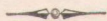
=

Прочтенное тобой съ душевнымъ умилениемъ
Мнѣ живо въ душу перешло;
Наполнило ее священнымъ восхищеньемъ,
И въ сердцѣ огонь святой любви возжгло.
Тебѣ внимая, я впервые
Вполнѣ избранника Господня поняла;
И слова Его святыхъ
Въ душѣ, восторженной тобою, обрѣла.
Ума понятія земныя
Ты разграничила любовью святой.
О! все забыла я съ тобой;
Мнѣ не страшна была судьбина,
Бѣжала прочь съ души кручина;
И міръ, и жизнь, и всѣхъ людей
Я облекла любовью моею:
Она мнѣ душу обновила;
Самъ Богъ со мною былъ: — и я любила.
Но кто же сильно такъ постигъ
Всю высоту любви священной?
Кто изучилъ душею вдохновенной
Ея простой, возвышенный языкъ?
Не та-ль, чья жизнь — юдоль терпѣнья,
Чьи чувства — вѣры умиленья,
Душа вся — образъ доброты,

Чьи радости — благодарья,
Чье горе — ближняго страданья?
И кто-жъ не скажетъ: это ты?

Княжна Екат. Шаховская.

Москва. 1825.



ХОРЪ ГРЕЧЕСКИХЪ ПИРАТОВЪ.

(Изъ драмы: *Невѣста Абидосская*).



Горемъ за горе
Алчнымъ дѣри,
Сушу и море
Кровью багри,
Тигровъ безщадныхъ
Въ бездну мечи,
Змѣй кровожадныхъ
Въ землю топчи.

День намъ не въ сладость,
Ночь не въ покой,
Только намъ радость —
Смерть и разбой;
Гибелью дышемъ,
Местью живемъ,
Яростью пышемъ,
Бурей ревомъ.

Князь А. Шаховской.



МЫСЛИ

и

ЗАМѢЧАНІЯ.

(Изъ записной книжки).

=

Мы любимъ себя въ другихъ: вотъ уже связь, заключенная человѣкомъ съ другими себѣ подобными, связь, которая уничтожаетъ возможность всякаго абсолютнаго эгоизма, какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ мірѣ.

Религія довела человѣчество до Философіи; Философія обратно приведетъ его теперь къ Религіи.

Грустно становится человѣку любить одному; и если не скажутъ вамъ, что васъ любятъ, какъ знать вамъ, что вы любимы. Уничтожьте это наружное изъявленіе, эти весенніе цвѣты любви, и вы уничтожите и самую любовь. Не удивительно ли, что самое лучшее сокровище нашей жизни должно необходимо быть предметомъ чистой вѣры?

Лестъ есть учтивость презрѣнія.

Нравственность есть дивное растѣніе: корень его въ ис-

бъ, цвѣты же и плоды украшаютъ землю и разливаютъ по ней благоуханіе.

Прошедшее есть лампа, повѣшенная предъ вратами будущаго, чтобъ нѣсколько разсѣять мракъ, его покрывающій.

Какъ внушаютъ обыкновенно дѣтямъ первое понятіе о Богѣ? Называя имъ Его имя, и заставляя ихъ молиться, наклоня головки, и сложивши ручки. Иные возразятъ: онѣ сами не понимаютъ, что дѣлаютъ. Но вы, говорящіе, понимаете ли иначе, чѣмъ онѣ? первое понятіе, составленное вами о Божествѣ, измѣнилось ли отъ времени? Оно, можетъ быть, возмужало, развилось, но естественно, нечувствительно; и можно легко убѣдиться, что въ своемъ основаніи оно нисколько не измѣнилось; тоже и съ вашимъ тѣломъ: развѣ вы перемѣнили его? пусть же каждый въ дитяти научится уважать человѣческое разуміе; пусть каждый смотритъ съ благоговѣніемъ на младенца, которому мать только что показала первыя движенія молитвы. Пути, избираемые Богомъ, чтобъ открыть Ему Себя всѣмъ своимъ разумнымъ созданіямъ, непонятны, и ни любопытство наше, ни гордость никогда не овладѣютъ этою тайною.

Дождитесь, обыкновенно говорятъ, той поры, когда дѣтскій умъ будетъ уже въ состояніи постигать истины Религіи, и тогда говорите имъ о нихъ. Не значить ли это сказать: Дайте имъ тогда слова, когда у нихъ будутъ идеи. Какъ будто идеи не родятся въ насъ вмѣстѣ съ словами, а умъ развивается не въ одно время съ истинною!

Прости недостаткамъ старца: можно ли выпрямить желѣзо, уже остывшее?

.... Заботься о своей душѣ: праздная душа походить на домъ, который скорѣе приходитъ въ разрушеніе, когда никто въ немъ не живетъ.

Мы обыкновенно уважаемъ въ другихъ только тѣ качества, которыми, по нашему мнѣнію, и насъ надѣлила природа. Это особенный способъ хвалить самихъ себя. Когда мы говоримъ: «онъ человекъ очень умный!» не значитъ ли это возвысить его до себя? Или когда нежнымъ голосомъ говоримъ: *Н. Н. предобрый человекъ*, — не выставляемъ ли тѣмъ собственное Ангельское сердце?

Нѣкоторые страсти и пороки принадлежать исключительно душамъ сильной и крѣпкой натуры. Такъ мало душъ, достаточно сильныхъ, чтобъ возвыситься до гордости; большая часть валяются въ грязи своего тщеславія.

— Молодой человекъ! будь губкою въ присутствіи говорящаго мудреца, — рѣшетомъ въ присутствіи болтающаго глупца.

— Намочи печать, чтобъ предохранить ее отъ воска. Вымочи жизнь нѣсколькими слезами, чтобъ не слишкомъ прильпиться къ ней.

Мы получаемъ истину, какъ поля росу небесную.

Умъ есть глазъ души, а не сила ея; сила заключается въ сердцѣ, то есть въ страстяхъ. Самый свѣтлый и обра-

зованный умъ не заставитъ ни дѣйствовать, ни хотѣть. Сильная воля, къ благой цѣли направленная, вотъ въ чемъ достоинство. Слабость хороша въ женщинѣ, въ явленіяхъ, на которыхъ сама природа положила печать женственности, — да въ искусствѣ: здѣсь является она въ видѣ чувствительности, граціозности, мелодіи; но отнюдь не въ мужчинѣ, который долженъ быть львомъ на поприщѣ практической жизни и однимъ взмахомъ гривы заставлять содрогаться все его окружающее.

Въ природѣ нѣтъ закона равенства. Природа равнаго ничего не создаетъ; господствующій законъ ея: зависимость и подчиненность.

Нельзя доказать первыхъ началъ. Разумъ нашъ долженъ слѣпо принять ихъ отъ природы, въ томъ видѣ, въ какомъ ей вздумается предложить ихъ: слѣдствія, выводимыя разумомъ изъ этихъ началъ, заимствуютъ всю свою непреложность изъ общей связи или изъ сообразности съ сими началами; слѣдовательно самая непреложность, самая истина, вытекаютъ отнюдь не изъ разума, но изъ самой природы. И что такое истинное и ложное въ ряду идей, какъ не *кажущееся* намъ таковымъ, независимо отъ всякихъ умствованій? Умствование, не будучи орудіемъ истины, часто напротивъ искажаетъ до такой степени идеи, подвергаемыя его изслѣдованіямъ, что ихъ и узнать нельзя; оно подрывается подъ самую природу, и ее самую заставляетъ усомниться въ ея началахъ.

Много нужно Философін, чтобъ чувствовать красоту по-

рядка, и много Религін, чтобъ наслаждаться счастіемъ мира.

Ничто не зависить отъ насъ, кромѣ нашей воли; обстоятельства управляютъ остальнымъ. Ни наше состояніе, ни богатство, ни здоровье, ни наклонности, ни вкусъ, ни страсти, ни сила, ни слабость ума не зависятъ отъ насъ, пока они не перешли въ дѣла; ни идеи наши, потому что не создаемъ ихъ, а получаемъ извнѣ; ни самый умъ, измѣняющійся отъ вліянія постороннихъ обстоятельствъ, насъ на каждомъ шагу окружающихъ. Душа наша, равно какъ и тѣло, въ связи со всемъ и отъ всего зависить: отъ сіянія солнца, отъ проходящаго по небу облака, отъ легкаго дуновенія, что чуть колеблетъ цвѣты, отъ стона соловья, отъ розы увядшей

Этого довольно, чтобъ привести въ смущеніе наши мысли и отравить наши привязанности; и на этомъ самомъ основано искусство убѣждать людей и увлекать ихъ

Литература самый нѣжный, самый блестящій цвѣтъ народной жизни: чтобъ не завялъ этотъ цвѣтъ, мы не должны бы позволять прикасаться къ нему рукамъ нечистымъ, оскверненнымъ корыстью, лжеумудріемъ, клеветою.

Ничего нѣтъ легче, какъ писать отдѣльныя мысли. Чтобъ узнать имѣетъ ли такая-то мысль какое нибудь достоинство, стоитъ выразить ее нѣпростѣйшимъ образомъ, и вы увидите, поразитъ ли она васъ новизною, оригинальностію, или мишурная была одежда на ней. Какъ не блестящи и не остроумны мысли подобнаго рода, онѣ

всегда нѣсколько походятъ на дѣтей, отлученныхъ отъ роднаго семейства: почти каждый имѣетъ право признать ихъ своими, будь только на то его добрая воля. Цѣлое сочиненіе, въ которомъ мысли рождаются другъ отъ друга и составляютъ неразрывную цѣпь, требуетъ гораздо болѣе и труда, и знанія, и силы; существо самое слабое въ состояніи нанести одинъ сильный ударъ, но не каждый можетъ вынести продолжительную битву; для этого нужна уже не женская и не дѣтская рука.

* * *

Женская душа позже распускается и раньше умираетъ, чѣмъ душа мужчины. Въ 16 лѣтъ сердце молодого человека живетъ уже полной жизнью и вполне образовано: начинается періодъ послѣдняго развитія ума и воли. Сердце женщины же въ 16 лѣтъ, — чистый младенецъ, еще неотнятый отъ груди матери. Оно еще не живетъ самостоятельно, независимою жизнью; вся внутренняя дѣятельность его сосредоточивается въ одной любви къ матери, и въ этой священной любви оно черпаетъ все свое наслажденіе. Дѣвушка и дочь, это синонимы, двѣ утреннія звѣзды, вмѣстѣ восходящія на горизонтъ жизни и занимающія другъ отъ друга и свѣтъ и теплоту. Лишите дѣвушку поцѣлуевъ матери — и она увянетъ, какъ цвѣтокъ безъ росы; вамъ грустно будетъ смотреть на нее, если вы въ ребячествѣ были любимы, избалованы на колыняхъ матери; она не обнаружитъ передъ вами всей роскоши жизни дѣвушки, а породитъ въ васъ лишь недоумѣнье, какъ недосказанная мысль. Молодой человекъ въ эти лѣта

Ж. I нр
1668 то
Ваня Св
Восхи
млад д
му дм
на дмб.

живеть уже самъ собою, и вольною птицею далеко отлетаетъ отъ роднаго гнѣзда; онъ живеть уже головою; между тѣмъ какъ женщина болѣею частию всегда живеть сердцемъ, а если головою, то развѣ головою въ сѣдинахъ. —

Душа дѣвушки начинаетъ вполнѣ распускаться на балѣ; при первомъ взглядѣ на свѣтъ, дѣвушка видитъ въ немъ одни танцы; онъ представляется ей заломъ блестящаго праздника, на который завистливо смотритъ она изъ-за дверей, не перешагнувши еще черезъ порогъ. Но вотъ, — рѣшительная минута: въ первый разъ, съ робкой улыбкой на устахъ, съ потупленными глазами, съ сильнымъ бѣшеніемъ сердца, вступила она въ благоуханную, блескомъ своимъ ослѣпляющую балную залу, неотступно слѣдитъ за шагами матери, не смѣетъ оглядѣться, краснѣетъ и дрожащею рукою поправляетъ розовую одежду. . . . До сихъ поръ, въ сладкой младенческой зависимости отъ матери, она на все смотрѣла ея глазами, думала ея умомъ, не жила въ самой себѣ, а только во вѣншности роднаго круга; теперь она сама, произвольно, начинаетъ развертывать свои легкія крылья, чувствуетъ въ себѣ что-то новое, доселѣ ей незнакомое. . . мечты свѣтлымъ роємъ выпорхнули изъ сердца и золотымъ блескомъ отразились на всемъ окружающемъ; быстро бѣжитъ часъ за часомъ, и каждая минута — новое очарованье; не предлагайте ей тогда ни картинъ Рафаэля, ни музыки Бетховена, ни пѣсни соловья, ни весеннихъ прогулокъ, ни поэмъ, ни элегій. . . . она и слушать васъ не станетъ: эти свѣжіе цвѣты, убранство прелестной головки поблекли отъ жаркаго дыханія и яркаго освѣщенія; чело, прежде бл-

лое, спокойное, разгорьлось теперь отъ жгучей атмосферы бала; милый образъ отразился на этихъ свѣтлыхъ, яркихъ глазахъ, и потупились очи, околдованныя взоромъ, неподвижно остановившимся на нихъ; и высказалась тайна женской души; предчувствіе какой-то дальней, заманчивой жизни заволновало юныя перси она покинула балъ-ную залу, и вотъ ужъ ей и сгрустнулось отъ жизни

Такъ сердце находитъ другое сердце и сливается съ нимъ навсегда, чтобъ жить двойною жизнью, въ надеждѣ *третьяго* сердца. Въ вѣнцѣ женской любви три алмаза, и всѣ равнаго блеска; одинъ еще надъ колыбелью блес-титъ, словно утренняя звѣзда женской жизни; другой ос-вѣщаетъ ея полдень и жарко горитъ, словно лѣтнее солн-це; третій, звѣзда вечерняя, последнее, лучшее сокрови-ще женскаго сердца, нигдѣ и никогда его непокидаю-щее. — Это любовь женщины-матери къ своему мла-денцу . . .

—
* * *

Первый человѣкъ жилъ и наслаждался, очарованный красотою созданія, не предвидя, что ему придется про-ститься съ жизнью, что онъ никогда не увидитъ болѣе ни своего царства, къ которому онъ такъ привязался, ни со-кровищъ, которыми рука великаго художника его такъ роскошно надѣлила, ни земли, ни ея цвѣтовъ, ни неба лазурнаго съ его солнцемъ и яркими звѣздами Онъ смотрѣлъ на себя, какъ на вѣчную природу, измѣняющую-ся вмѣстѣ съ временами года; онъ глядѣлъ на молодое де-

рево, которое покрывается листьями, цвѣтами, плодами, и наконецъ все теряетъ, въ надеждѣ новой весны, — глядѣлъ и не думалъ, что и дерево, и цвѣтокъ, и листъ могутъ пережить его . . .

Я вижу людей, окружившихъ перваго мертвеца; онъ упалъ, царь міра земнаго, упалъ, чтобъ никогда не возстать! О, сколько это внезапное паденіе должно было возбудить удивленія, смущенія, думъ и ужаса въ душѣ первыхъ человѣковъ. Когда не слышали болѣе ни его дыханія, ни біенія сердца; когда холодъ и неподвижность распространились по всѣмъ его членамъ, когда рыданія и крики не въ силахъ были разбудить того, кто опочилъ сномъ вѣчнымъ; когда трупъ, расточенный червями, растерзанный хищными птицами, превратился въ предметъ ужаса, когда братья не вѣрили глазамъ, не узнавая въ немъ и слѣдовъ человѣка, первороднаго типа красоты; когда вѣтры наконецъ занесли холодный священный прахъ, — какой холодный потъ долженъ былъ выступить на челѣ нашихъ праотцевъ! какая живая скорбь сжала ихъ сердце! нѣтъ болѣе сомнѣнія, раздражающаго душу; это не сонъ, не временное, случайное оцѣпененіе, это разрушеніе, это *противоположное* жизни. И впервые прошептали уста человѣческія роковое слово *смерть*, и живые уста поблѣднѣли, и образъ въ скорби утратилъ первобытную красоту! Сколько вопросовъ должна была предложить себѣ впервые осиротѣвшая семья человѣческая, *рѣшеніе* которыхъ и понынѣ уклоняется отъ разума, чтобъ свободнѣе открыться сердцу, и только одному сердцу *достойному* принять святую тайну жизни. Природа — когда не измѣнитъ роковаго закона: вѣка пройдутъ, у-

руть поколѣнія, и все люди будутъ рыдать у свѣжихъ
могилъ и молить лазурное, безотвѣтное небо о новомъ
свиданіи

Да! глубокое, ужасное впечатлѣніе должна была оставить
смерть перваго челоуѣка на нашихъ праотцевъ. Сравните его
съ настоящимъ: огромно стало семейство челоуѣческаго рода,
и братъ не знаетъ брата Смотрите: вотъ везутъ по-
койницу на кладбище; немного времени осталось вамъ
насмотрѣться на нее, если вы знали ее, если любили
ее Пышно богаты похороны; и много братьевъ про-
вожаютъ усопшую; но ѣдетъ иной, и помышляетъ о жи-
выхъ, если не о самомъ себѣ; это для него такое обы-
кновенное дѣло; «кто же не умираетъ? скажетъ онъ; од-
нимъ меньше, однимъ больше, тамъ гдѣ милліоны»
Да и гдѣ же та сильная душа, которая будетъ сочувство-
вать каждой утратѣ семьи челоуѣческой? Много людей,
и сердце ослабло: оно за себя только что успѣваетъ
биться!

Такъ ли смотрѣли первые братья на перваго усопшаго?
Безжизненный трупъ лежалъ обнаженный на сырой зем-
лѣ и омытъ былъ слезами, слезами горькими, ненадуман-
ными; глубокимъ трауромъ облеклось сердце; нынѣ на-
двигаютъ внѣшніе признаки холоднаго, разумнаго участія,
и недожившая слеза чуть живой скорби останавливается
въ глазахъ челоуѣка

Многіе знали покойницу, когда она еще гостила между на-
ми; и можетъ быть, никто не любилъ ее, какъ любилъ сестру
первый братъ. Какъ очаровательна была она, рѣзко играя,
какъ младенецъ, на утреннемъ пиру жизни! Эти уста, изда-

вавшія столь гармоническіе звуки, звуки, вызывавшіе мою мысль, мое сердце, — эти розовыя уста поблѣднѣли и умолкли навсегда. Эти голубые глаза, въ которыхъ такъ вѣрно, такъ прекрасно отражалось тихое небо, эти глаза утратили и цвѣтъ и живость, и закрылись, чтобъ никогда болѣе не открыться, пока небесные Ангелы не коснутся до нихъ; русыя кудри развились навсегда; эти изящныя формы, достойныя кисти Рафаэля, это сердце, нѣжное, доброе сердце, — ужинъ червей безобразныхъ!.. И умерла въ цвѣтъ лѣтъ. Распустилась роза и увяла, не насладившись солнечнымъ блескомъ. Первый человѣкъ жилъ долго, и вполне извѣдалъ земную жизнь еще въ дѣтственномъ, лучшемъ Божіемъ мірѣ; а она не изжила и кратковременной, настоящей человѣческой жизни

Еще минута, и никто изъ ближнихъ не узрѣтъ вѣчки усопшей. А какъ она еще и въ гробу хороша! Какъ пристали къ ней эти бѣлые лилеи . . . на устахъ — живетъ еще улыбка, слѣдъ поцѣлуя Ангела, вызвавшего на небо юную душу. А въ предпоследній часъ, можетъ быть, она горько заплакала; прощайте, люди, прощай, земля съ твоими цвѣтами, прощай и ты, лазурное небо съ твоимъ яснымъ солнцемъ и золотыми звѣздами . . . не легко было ей выговорить это последнее прости! Можетъ быть, въ эту минуту, она съ радостію прижала къ единой груди всѣхъ людей, всѣхъ до единого

И что же теперь? Всѣ ли присутствующіе братья плачутъ, утративши прекрасную сестру?

Безмысленно бѣжитъ толпа, и лишь добрый человѣкъ оглядывается на розовый гробъ, и творить тихую молитву за упокой души усопшей; и та молитва отзовется въ

небѣ, и въ ту минуту смертное постигаетъ безсмертное; это сочувствіе души родной; на земномъ языкѣ она была ему чужая.

Прошли дни, и лучший другъ не навѣщаетъ болѣе могилы умершей; давно уже высохли слезы, и бѣдный опять смѣется, какъ прежде. Забвеніе — жалкое наследство любви!

И — жда Васильковичъ.

Сельцо Кулешовка. 1839.

СЦЕНЫ ИЗЪ ГАМЛЕТА.

ДѢЙСТВІЕ III.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Комната въ замкѣ.

Король, Розенкранцъ и Гильденштернъ (*входятъ*).

=

Король.

Я дольше не могу его терпѣть;
Его безуміе грозитъ бѣдою.
Готовьтесь въ путь; вамъ выдадутъ сей-часъ же
Приказъ въ Британнію уѣхать съ Принцемъ.
Я, какъ Монархъ, не долженъ допускать
Бѣду такъ близко; а она грозитъ
Въ его безуміи ежеминутно.

Гильденштернъ.

Мы изготавимся. То страхъ священный,
Благоразумный, — сохранить для жизни
Такъ много, много душъ, живущихъ вами.

Розенкранцъ.

Простой и частный человекъ обязанъ
Стоять за жизнь всей силою души;

Тѣмъ больше духъ, отъ блага коего
Зависятъ жизнь и счастье столь многихъ.
Монархъ не можетъ умереть одинъ;
Въ свое паденіе онъ увлекаетъ
Все близкое, какъ горный водопадъ;
Онъ колесо гигантскаго размѣра,
Стоящее на высотѣ горы—
И тысячи вещей прикрѣплены
Къ его огромнымъ и могучимъ спицамъ;
Падетъ оно, — ужасное паденье
Раздѣлять съ нимъ всѣ вещи мѣлочныя.
Еще Монархъ ни-разу не вздыхалъ,
Чтобы народъ съ нимъ вмѣстѣ не страдалъ.

Король.

Прошу, готовьтесь въ скорый путь. Оковы
На этотъ страхъ должны мы наложить;
Его свобода слишкомъ велика.

Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Мы поспѣшимъ.

(Уходятъ. Полоній входитъ).

Полоній.

Онъ къ матери идетъ, мой Государь.
Я стану за ковромъ, чтобы слышать
Ихъ разговоръ. Повѣрьте, Королева
Его порядкомъ побранить; и должно,
Какъ вы сказали, (а сказали вы умно)
Чтобъ кто нибудь, свидѣтель посторонній,
Ихъ разговоръ подслушалъ тихомолкомъ,

Затѣмъ, что мать пристрастна отъ природы.
Прощайте, Государь; я посѣщу васъ
Еще предъ тѣмъ, какъ вы ко сну пойдете,
И расскажу, что удалось узнать.

Король.

Благодарю, мой дорогой Полоній.

(Полоній уходитъ).

Смрадъ моего грѣха доходить къ небу;
На мнѣ лежитъ древнѣйшее проклятье,
Убійство брата. — Не могу молиться,
Хотя влечетъ меня къ молитвѣ воля;
Сильнѣйшій грѣхъ сражаетъ силу слова,
И я, какъ человекъ съ двоякимъ долгомъ,
Стою въ сомнѣніи — съ чего начать? —
А дѣло позабылъ. Будь кровью брата
Насквозь проникнута моя рука
Чтожь? Развѣ нѣтъ дождя на небесахъ,
Чтобъ убѣлить ее какъ снѣгъ весенній?
Зачѣмъ же есть святое милосердье,
Какъ не затѣмъ, чтобы прощать грѣхи?
И развѣ нѣтъ двойной въ молитвѣ силы, —
Паденье грѣшника остановить
И падшимъ милость испросить? Взгляну горь:
Мой грѣхъ свершенъ. Но какъ молиться мнѣ?
Прости мнѣ гнусное убійство? Нѣтъ,
Тому не быть! Я все еще владѣю
Всѣмъ, что меня къ убійству повлекло:
Короной, честолюбіемъ, женой.

Простить ли тамъ, гдѣ грѣхъ еще живетъ?
Въ испорченномъ житьѣ на этомъ свѣтѣ
Горсть золота въ преступника рукъ
Искушить казнѣ; постыдною цѣною
Закона власть нерѣдко подкупали.
Но тамъ не такъ! Обманъ тамъ не поможетъ;
Дѣянья тамъ въ ихъ настоящемъ видѣ,
И сами мы должны разоблачать
Своихъ грѣховъ преступную природу.
И такъ, что остается мнѣ? Подумать,
Раскаянье что можетъ совершить.
Что невозможно для него? — Но если
Нѣтъ силъ къ раскаянью, — оно бессильно.
О горе мнѣ! О грудь — чернѣе смерти!
Душа въ борьбѣ за свѣтлую свободу
Еще тѣснѣй закована въ цѣпяхъ!
Спасите, Ангелы! Колѣна, гнитесь!
Стальная грудь! смягчись, какъ грудь ребенка!
Быть можетъ, вновь все будетъ хорошо.
(Становится на колѣни).

ГАМЛЕТЪ (входитъ).

Теперь я могъ бы совершить, — удобно.
Онъ молится. Теперь я совершу.
И онъ пойдетъ на небеса?
И такъ я отомщенъ? О, это значить:
Злодѣй родителя убилъ, а я,
Я, сынъ его, злодѣя посылаю
На небеса!
Нѣтъ, то была бѣ награда, а не месть.

Въ безпечномъ снѣ отца онъ умертвилъ,
Въ веснѣ грѣховъ цвѣтущаго, какъ май.
Что сталося съ нимъ, то вѣдаетъ Создатель,
Но думаю, судьба его тяжка.
Отмищу ли я, убивъ его въ молитвѣ,
Готоваго въ далекую дорогу?
Нѣтъ!
Въ ножны, мой мечъ! Ты будешь обнаженъ
Ужаснѣе! Когда онъ будетъ пьянъ,
Во снѣ, въ игрѣ, въ забавахъ сладострастныхъ,
Съ ругательствомъ въ устахъ, среди занятій,
Въ которыхъ нѣтъ святыни и слѣда, —
Тогда рази, чтобы пятами къ небу
Онъ въ тартаръ полетѣлъ, съ душею черной
И проклятой, какъ адъ. Мать ждетъ меня.
Живи еще до мстительнаго дня.
(Уходитъ).

Король (встаетъ).

Слова летять, но мысль моя лежитъ,
Безъ мысли слово къ небу не взлетитъ.

С Ц Е Н А Ч Е Т В Е Р Т А Я.

Комната Королевы.

Королева и Полоній (входятъ).

—

Полоній.

Сейчасъ придетъ; вы будьте съ нимъ построже;
Скажите, что его поступковъ дерзость

Нельзя терпеть, что вашимъ заступленьемъ

Утишень гнѣвъ обиженнаго дяди.

Я спрячусь здѣсь—прошу васъ, не щадите.

КОРОЛЕВА.

Ручаюсь вамъ; о мнѣ не беспокойтесь.

Я слышу, онъ идетъ; — уйдите.

(Полоній прячется).

ГАМЛЕТЪ *(входитъ)*.

Ну, матушка, скажите: что угодно?

КОРОЛЕВА.

Отецъ твой, Гамлетъ, оскорбленъ тобою.

ГАМЛЕТЪ.

Отецъ мой вами оскорбленъ.

КОРОЛЕВА.

Ну, полно, сынъ; ты отвѣчаешь дерзко.

ГАМЛЕТЪ.

И, полно, матушка, вы говорите зло.

КОРОЛЕВА.

Что это значить, Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ.

Что такое?

КОРОЛЕВА.

Иль ты забылъ меня?

ГАМЛЕТЪ.

О нѣтъ, клянусь вамъ Богомъ!
Царица вы, вы деверя супруга,
И — если бы не такъ! — моя вы мать.

КОРОЛЕВА.

Такъ пусть съ тобой другіе говорить.

ГАМЛЕТЪ.

Постой, садись; ты съ мѣста не сойдешь,
Пока я зеркала тебѣ не покажу,
Въ которомъ ты свою увидишь душу.

КОРОЛЕВА.

Что хочешь ты? не умертвить меня?
Эй, помогите!

Полоній (*за сценой*).

Помогите, эй?

ГАМЛЕТЪ

Какъ? мышь?

(*Обнажаетъ шпагу*).

Мертва! Мертва, держу червонецъ!

(*Ударяетъ шпагою въ коверъ*).

Полоній (*за ковромъ*).

О, я убить!

(*Падаетъ и умираетъ*).

КОРОЛЕВА.

О горе! что ты сдѣлалъ?

ГАМЛЕТЪ.

Не знаю. Что? Король?

(Вытаскиваетъ Полонія изъ за ковра).

КОРОЛЕВА.

Какой кровавый, необдуманный поступокъ?

ГАМЛЕТЪ.

Кровавый? Да, почти такой же гнусный,
Какъ Короля супруга умертвить,
И вслѣдъ за тѣмъ съ его вѣнчаться братомъ.

КОРОЛЕВА.

Какъ Короля убить!

ГАМЛЕТЪ.

Да, такъ сказалъ я. —

(къ Полонію).

Ты, жалкій, суетливый шутъ, прощай!

Тебя я высшимъ счелъ; возьми свой жребій!

Ты видишь, поспѣвать вездѣ опасно.

(Королеву).

Да не ломай такъ рукъ! потише! сядь!

Пусть лучше я твое сломаю сердце.

А я сломя его, когда оно не вовсе

Преступнымъ привыкомъ закалено,

Когда для чувствъ оно еще доступно.

КОРОЛЕВА.

Въ чемъ простунилась я, что ты дерзася

Такъ дико порицать?

ГАМЛЕТЪ.

Ты запятнала

Стыдливый цвѣтъ душевной чистоты;
Ты назвала измѣной добродѣтель;
Съ чела любви ты розы сорвала,
И вмѣсто ихъ невинной красоты
Цвѣтеть болѣзнь; въ твоихъ устахъ, о мать,
Обѣтъ при брачномъ алтарѣ сталъ ложенъ,
Какъ клятва игрока; о, твой поступокъ
Исторгъ весь духъ изъ брачнаго обряда,
Въ пустыхъ словахъ измилъ всю сладость вѣры.
Горить чело небесъ, земли твердыня
При мрачной думѣ о твоихъ дѣлахъ
Грустна, какъ въ день передъ судомъ послѣднимъ!

КОРОЛЕВА.

О горе мнѣ! Какой поступокъ, Гамлетъ,
Такъ громко говорить, гремѣть такъ грозно?

ГАМЛЕТЪ.

Взгляни сюда! Вотъ два изображенья,
Портреты двухъ родныхъ по тѣлу братьевъ.
Взгляни, на сихъ бровяхъ какая дышетъ прелесть!
Чело Юпитера, и кудри Аполлона,
И Марса взоръ, на страхъ врагамъ горящій;
Въ немъ гордый видъ посланника боговъ,
Когда на горъ заоблачныя выси
Слетаетъ онъ съ небесъ; въ его чертахъ
Видна печать всехъ жителей Олимпа,
Чтобъ міръ призналъ, что онъ былъ человекъ.

То *была* твой мужъ. — Теперь взгляни сюда:
Вотъ твой супругъ; онъ, какъ сожженный колосъ,
Похитилъ жизнь у брата своего.
Есть очи у тебя? Могла ты бросить
Прекрасный лугъ нагорной вышины,
Чтобы гнилымъ питать себя болотомъ?
Есть очи у тебя? Нѣтъ, ты не можешь
Назвать любовь. Въ твои лѣта угаснулъ
Огонь въ крови; она уже покорно
Ждетъ выводовъ ума. Но чей разсудокъ
Могъ привести отъ этаго къ тому?
Ты чувствъ не лишена, иначе какъ
Могла бы страсть въ твое закрасться тѣло?
Но эта чувственность, — она больна!
Тутъ не ошибся бы и сумасшедшій.
Безумство чувственности не подавить
Такъ глубоко, чтобъ въ ней не оставалась
Хоть капля выбора; ея довольно,
Чтобъ *здѣсь* избрать. Какой же чернѣйшій демонъ
Толкнулъ тебя, играя въ эти жмурки?
Глаза безъ рукъ, рука безъ глазъ и слуха,
Здоровыхъ чувствъ мальишная частица
Не промахнулась бы такъ жестоко!
Гдѣ жъ твой румянецъ, стыдъ? Когда ты можешь,
Лукавый адъ, горѣть въ костяхъ матроны,
Такъ пусть, какъ воскъ, растопится стыдливость
Горячей юности въ твоёмъ огнѣ!
Не восклицай: «о стыдъ!» когда разыграетъ
Младая кровь; здѣсь вспыхнулъ снѣгъ холодный,
И разумъ волею соблазнилъ!

Королева.

Умолкни, Гамлетъ! Въ глубь моей души
Ты обратилъ мой взоръ; я вижу пятна:
Ихъ черный цвѣтъ впитался такъ глубоко,
Что ихъ не смыть.

Гамлетъ.

Нѣтъ! Жить, на гнусномъ ложѣ
Дыша грѣхомъ; согнѣть въ его объятяхъ,
Любить и лстить въ гнѣздѣ кровосмѣщенья.....

Королева.

О, замолчи! Слова твои, какъ ножъ,
Мнѣ рѣжутъ слухъ. Умолкни, милый Гамлетъ!

Гамлетъ.

Убійца и злодѣй; рабъ, недостойный
И сотою части прежняго супруга!
Король — паяцъ, укравшій діадему
И тайно спрятавшій ее въ карманъ!

Королева.

Остановись!

(Духъ входитъ).

Гамлетъ.

Король изъ тряпокъ и лоскутьевъ! —
Спаси меня, закрой меня крылами,
Сонмъ небожителей святыхъ!
Чего ты хочешь, образъ благородный?

КОРОЛЕВА.

О горе мнѣ! Онъ обезумѣлъ!

ГАМЛЕТЪ.

Ты не съ укоромъ ли явился къ сыну,
За то, что онъ не внялъ минутъ страсти,
И грознаго велѣнья не свершилъ?
Скажи!

ДУХЪ.

Не позабудь! мое явленье
Угасшій замыселъ должно воспламенить.
Но взглянь! Надъ матерью витаетъ ужась;
Стань между ней и тяжкою борьбою.
Ея души; воображенье въ слабыхъ
Всего сильнѣй. Заговори съ ней, Гамлетъ!

ГАМЛЕТЪ.

Что съ вами, матушка?

КОРОЛЕВА.

О, что съ тобою,
Что ты глаза вонзилъ въ пустое мѣсто,
И говоришь съ пространствомъ безтѣлеснымъ?
Въ твоихъ очахъ душа сверкаетъ дико;
Какъ спящій станъ на звукъ тревоги бранной,
Встаютъ власы на головѣ твоей!
О милый сынъ! залей огонь недуга
Росой терпѣнія! Куда глядишь ты?

ГАМЛЕТЪ.

На него!

Смотри, какъ блѣдно взоръ его горитъ!
И камни поняли бы горькій смыслъ
Его лица, его обиды тяжкой. —
О, не гляди! Твой жалкій, грустный образъ
Смягчить мое суровое рѣшенье,
И я его не совершу; быть можетъ,
Слеза, не кровь, моею местью будетъ.

КОРОЛЕВА.

Съ кѣмъ разговариваешь ты?

ГАМЛЕТЪ.

Ты ничего не видишь тамъ?

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ, ничего; но все, что тамъ, я вижу.

ГАМЛЕТЪ.

И ты не слышала?

КОРОЛЕВА.

Ни слова, кромѣ насъ.

ГАМЛЕТЪ.

Взгляни! Смотри, какъ тихо онъ уходитъ!
Отецъ мой, точно какъ живой! Смотри!
Вонъ, вонъ идетъ онъ; вотъ выходитъ въ дверь.

(Духъ уходитъ).

КОРОЛЕВА.

То лишь мечта фантазій твоей;
Душа сильна въ созданьяхъ безтѣлесныхъ,
Когда разумокъ омраченъ.

ГАМЛЕТЪ.

Разумокъ омраченъ?
Мой пульсъ, какъ твой играетъ въ стройномъ тактѣ;
Его мелодія здорова, какъ въ твоёмъ,
Мои слова не бредъ души безумной.
Угодно ли? Я повторю ихъ снова;
Безуміе отпрянуло бы прочь. —
Спасеніемъ души я заклинаю!
Не умягчай душевныхъ ранъ, о мать,
Бальзамомъ лести, — будто говорить
Мое безумство, не твоя вина.
Онъ лишь слегка покроетъ злую язву,
А ядъ невидимо вопьется внутрь.
Повѣдай Господу твои грѣхи,
Покайся въ томъ, что совершила ты,
И отврати грядущее молитвой.
Не удобряй негодную траву,
Чтобъ не росла она въ избытокъ силы.
А мнѣ — прости мою мнѣ добродѣтель!
Въ нашъ злой, развратный вѣкъ и добродѣтель
Должна просить прощенья у порока;
Да, ползать и молить, чтобъ онъ позволилъ ей
Творить ему добро.

КОРОЛЕВА.

О Гамлетъ! Гамлетъ!

Ты на двое мнѣ сердце разтерзалъ!

ГАМЛЕТЪ.

Отбрось его худую половину,
Живи чиста съ чистѣйшей частью сердца.
Прощай! Но не пади на ложе дяди.
Пусть пѣть въ тебѣ добра, по крайней мѣрѣ,
Набрось личину добрыхъ дѣлъ. Привычка, —
Она чудовище; она, какъ дьяволъ,
Сознанье зла въ душѣ уничтожаетъ, —
Но здѣсь она есть ангелъ благодатный:
Свершенно добрыхъ, благородныхъ дѣлъ
Она даетъ и ловкую одежду;
Носить ее легко.
Будь въ эту ночь воздержною, потомъ
Воздержность будетъ для тебя все легче.
Привычка можетъ измѣнить природу;
Чудесной силою она смирить
Иль истребить врага. Прощай еще разъ!
И если ты благословенья жаждешь,
Благослови меня!

(Полонію).

Тебя, старикъ, —

Тебя мнѣ жаль! Судьбѣ угодно было,
Чтобъ я тобой и ты былъ мной наказанъ;
Она меня бичемъ своимъ избрала. —
За эту смерть отвѣтъ я дать съумѣю.

Я приберу его. Покойной ночи!
Я былъ жестокъ, но это отъ любви.
Зло сдѣлано, — но худшее насъ ждетъ.
Еще два слова.

КОРОЛЕВА.

Что должна я дѣлать?

ГАМЛЕТЪ.

Отнюдь не то, что я тебѣ сказалъ!
Пусть этотъ царь тебя на ложе нѣги
Заманитъ вновь, зоветь своею милой,
И треплетъ по щекамъ. За поцѣлуй преступный,
За ласку проклятой руки, — ты скажешь,
Что я притворствую, что я не сумасшедшій!
Да! Расскажи! Оно не помѣшаетъ.
Тебѣ-ль, прекрасной, непорочной, умной,
Такія вещи скрыть отъ крокодила,
Отъ жабы, отъ змѣи? И кто ихъ скрылъ бы?
Нѣтъ! нѣтъ! Уму и тайнѣ вопреки
Открой сирокъ, — пусть птицы разлетятся;
А тамъ сама, какъ обезьяна въ баснѣ,
Попробуй испытать его устройство, —
Онъ голову тебѣ свернетъ.

КОРОЛЕВА.

Повѣрь, когда слова дыханье жизни, —
То я мертва, и нѣтъ во мнѣ дыханья,
Чтобъ тайну рассказать твою.

ГАМЛЕТЪ.

Я долженъ

Уѣхать въ Англію; известно вамъ?

КОРОЛЕВА.

Я позабыла, — да! — такъ рѣшено.

ГАМЛЕТЪ.

Приказъ готовъ, подписанъ, запечатанъ,
И школьнымъ поручень моимъ друзьямъ;
Я доверю имъ, какъ двумъ схидамъ.
Они должны дорогу мнѣ очистить,
Герольдами вести меня къ измѣнѣ, —
Такъ пусть ведутъ! Забавно будетъ видѣть,
Какъ инженеръ взлетитъ съ своимъ снарядомъ.
Подъ ихъ подкопъ, когда я не обчелся,
Я подведу другой, аршиномъ глубже,
И онъ взорветъ ихъ до луны. О! какъ отрадно
Столкнуть двѣ силы на одномъ пути! —
Теперь пора съ собой взять эту ношу;
Я въ ближій отнесу его покой.
Прощайте, матушка, покойной ночи! —
Какъ сталъ онъ важенъ, молчаливъ и тихъ,
Глупецъ, всю жизнь болтавшій безъ умолку!
Пойдемъ; вѣдь надобно жъ съ тобой окончить. —
Покойной ночи, матушка.

*(Уходятъ въ разные стороны.
Гамлетъ уноситъ Полонія).*

А. Кронебергъ.